

УДК 7.072.2

РЕЦЕНЗИЯ НА V ТОМ «ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА»

(гл. ред. М.М. Кульшарипов. – Уфа: Гилем, 2010. – 468 с.)¹*А.Ю.Хабутдинов, доктор исторических наук, профессор*

Постсоветский период стал эпохой создания историй народов бывшего СССР, когда данные нарративы превратились в важнейшие инструменты обеспечения легитимности статуса этого народа, его прав на этническую территорию и государственный статус. Следует отметить, что данный процесс создания этногосударственных историй носит универсальный характер в мировом масштабе². Их современный расцвет на постсоветском пространстве обусловлен также развитием национальных историографий, впервые получивших возможность не оглядываться на указания центра. При этом создается собственная теоретическая концепция, не учитывающая как современные научные теории, так и труд предшественников в общегосударственной и национальной (этнической) историографии. Для V тома «Истории башкирского народа» характерно, что практически все авторы этого труда башкирские ученые. К сожалению, в работе не указано место работы авторов, что затрудняет их локализацию. Но среди специалистов извне Башкортостана можно отметить только оренбургского ученого К.А. Моргунова, соавтора раздела «Оренбургские башкиры». Характерно, что редколлегию V тома (в отличие от предыдущих) составляют только уфимские ученые-башкиры. В качестве рецензентов присутствуют представители Уфы, Екатеринбурга и Йошкар-Олы. Работу достаточно сложно анализировать чисто технически, так как в ней отсутствует формальное деление на пронумерованные разделы (главы)

и параграфы, поэтому мы будем указывать номера страниц.

Сам V том посвящен периоду 1900–1940 гг. Конечно, авторы труда имеют право сами выбирать хронологическое деление, однако если такое нестандартное членение выбрано, то, вероятно, стоит его аргументировать. В предисловии главный редактор (научный руководитель) издания М.М. Кульшарипов указывает на «войны и революции начала XX в... С другой стороны, именно в 20–30-е гг. XX в. были заложены основы движения башкирского общества в новом направлении» (с. 5). Далее говорится о том, что «авторы предприняли попытку преодолеть искажения истории башкирского народа, особенно национального движения начала XX в. и образования Башкирской АССР» (с. 5). Такой подход тем более понятен, если мы обратимся к проблематике и выводам ключевых работ М.М. Кульшарипова «3. Валиди и образование БАССР» (1917–1920) (Уфа, 1992), «Башкирское национальное движение (1917–1921)» (Уфа, 2000)³.

В историографическом обзоре М.М. Кульшарипов однозначно указывает: «в настоящем обзоре представляется лишь историография башкирского национального движения и образования Башкирской автономии, потому что именно эти ключевые проблемы истории башкирского народа первой половины XX века находятся в центре внимания нашего исследования» (с. 7). Однако неизбежно возникает вопрос, почему верхней границей исследования являются не 1920–1921 гг., как

в предыдущих работах М.М. Кульшарипова, а 1940-й год. Ответ на этот вопрос мы постарались дать в предыдущем абзаце, его дают и в заключении тома. Постараемся и мы определиться с теми работами, которые концептуально (и притом достаточно комплиментарно для сторонников башкирской автономии) дали обзор истории башкир, прежде всего периода революций 1917 гг., Гражданской войны и создания Башкирской республики. М.М. Кульшарипов в своем историографическом обзоре указывает в качестве первой работы, «где были затронуты вопросы башкирского национального движения, была богатая фактическим материалом книга С. Атнагулова» (с.7). Действительно, «Башкирия» С. Атнагулова и с нашей точки зрения сохранила свое значение как анализ достаточно беспристрастного участника событий. В историографическом обзоре парадоксально другое. Упомянув целый ряд работ Б.Х. Юлдашбаева, М.М. Кульшарипов не указывает на его фундаментальный труд «История формирования башкирской нации (дооктябрьский период)» (Уфа, 1972). Именно этот труд стал ключевым источником для легитимации отдельной башкирской нации, обладающей своей государственностью.

Действительно, общая логика V тома «Истории башкирского народа» сконцентрирована вокруг легитимации образования «Малой», а затем «Большой Башкирии» и упрочения этнотерриториальной республики в своих границах путем «подготовки национальных кадров, коренизации государственного аппарата» (с. 301–312), развития «культуры башкирского народа» (с. 313–374) через школу (с. 319–324), формирование научных кадров (с. 324–331), литературы (с. 332–341), языковое строительство (с. 341–351) и т.п. В целом мы видим здесь пример конструктивистского подхода к созданию этноистории.

Авторы V тома «Истории башкирского народа» обошли таким образом целый ряд вопросов, касающихся этносословного и языкового разви-

тия мусульман Волго-Уральского региона, в целом, и башкир, в частности. Первым и самым принципиальным является: составляли ли башкиры на рубеже XIX–XX вв. нацию (как считал Б.Х. Юлдашбаев) или народ? Второй: как известно, подданные Российской империи официально делились не по национальному, а по сословному признаку, который указывался во всех документах, причем границы башкирского этноса и башкирского сословия не всегда совпадали. Третий: вопрос языка. Четвертый: вопрос роли религии — ислама.

Постараемся дать ответы на трактовку этих вопросов в данном издании по мере изложения в нем материала. Первый раздел называется «Башкирский народ в 1900–1917 гг.», и в нем отсутствует блок, посвященный теории нации. По мнению Д. Шейфера⁴, о чьих трудах указывается на с. 14, «в начале 1917 г. Башкирское национальное движение было еще в стадии А⁵, т.е. выработки национальной культуры образованной элитой»⁶. В заключение своей диссертации Д. Шейфер приходит к выводу: «Выживание этнических групп или наций требует четко определенных пограничных маркеров, которые пережили десятилетия или столетия, или которые могут быть заменены новыми маркерами. Трудность для башкирской национальной идентичности заключалась в том, что до, во время и после революции эти различные черты плохо служили отделению башкир от возникающей татарской нации... Крайняя взаимопроницаемость татаро-башкирской этнической границы, особенно в Западном Башкортостане, не только усложняла разрешение территориального вопроса в начале 1920-х гг., но и давала уверенность тем, кто считал татар и башкир единым народом.

Башкирское движение, связанное с Валидовым, никогда окончательно не решило этих вопросов»⁷. Д. Шейфер подчеркивает, что А.-З. Валиди стремился к объединению тюрок-мусульман России: «Валидов опублико-

вал «башкирские» газеты на татарском языке», стремился вовлечь татар в свое движение⁸.

М. Кульшарипов считает, что Д. Шейфер «выразил несогласие с существующим в зарубежной историографии мнением, что башкирское национальное движение было организовано волей и стараниями З. Валиди» (с. 14). Идеи Д. Шейфера на самом деле глубже. Он указывает на роль А.-З. Валиди именно как теоретика, определившего модель автономии, превратившего средневековое движение за сохранение земель башкир-вотчинников в современное движение за создание этногосударственности, отличной от татар. Д. Шейфер указывает: «Валидову потому и удалось определить башкирскую идентичность, что он не полагался на небольшие лингвистические различия; башкирская идентичность основывалась на особенностях, ясно отличавших башкир от... татар: кочевое прошлое, история восстания против русской власти, корпоративные права на землю, полуавтономная окружная система, Башкирское Войско. Если эти элементы башкирского партикуляризма отмирали... это только убеждало башкирских сепаратистов в том, что их нация находится в опасности. Значение, которое придавал Валидов чертам, ясно отличавшим башкир от татар, соответствует наблюдениям Фредрика Барта о значении «пограничных маркеров» при определении этнической и национальной идентичности. Подчеркивать небольшие различия в родственных группах для националиста зачастую гораздо важнее, чем без конца говорить о глубоких различиях, отделяющих земляка от явного чужака»⁹.

Д. Шейфер, высоко оцениваемый М. Кульшариповым (с. 14), говорит о неопределенности ситуации рубежа 1910–1920-х гг.: «сейчас после семи десятилетий национального конструирования в Татарской и Башкирской республиках мы можем говорить с уверенностью о существовании двух отдельных, отличающихся наций... Если бы

события пошли по другому пути,... то Россия сейчас могла бы иметь Татаро-Башкирскую республику или Идель-Урал Штат или вообще не имела бы национальных республик»¹⁰.

Действительно, опрокидывание настоящего в прошлое стало большой проблемой для ученых не только в Уфе. По сути, этот подход в башкирской историографии четко сформулирован еще Б.Х. Юлдашбаевым в 1972 г. Он так отвечает на вопрос относительно «татар и башкир, о степени их различия и общности: одну ли нацию они составляют или две разные, на одном языке они говорят или на двух разных. Ныне не подлежит сомнению самостоятельная национальность башкир и их языка»¹¹. Следует отметить более тонкий подход Б.Х. Юлдашбаева. Он понимал, что термин «нация» (он оперирует и понятием «миллет»¹²) гораздо более адекватно отражает претензии на отличие от татар, в качестве особой государственной и политической единицы.

Фактически дискуссия о принадлежности к башкирам (к этнической границе с татарами) затрагивается в 5-м томе только при анализе результатов переписей в 1897–1926 гг. (с. 15–19). С этого подраздела открывается раздел первый «Башкирский народ в 1900–1917 гг.». Авторы фактически идут следом за С. Атнагуловым. Он указывает, что в 4 уездах Уфимской губернии (Уфимский, Златоустовский, Бирский, Белебеевский) количество татар составляло 9,96%, в 1920 г. оно увеличилось до 49,36%¹³. Исследуем методику анализа этих цифр у С. Атнагулова и в 5-м томе, так как они являются ключевым «яблоком раздора» между учеными Уфы и Казани. В 5-м томе не приводится разбивка по уездам, которая показывает абсолютное большинство татар в Бирском и Белебеевском уездах в 1920 г.¹⁴. Именно о никогда не проведенном референдуме в этих уездах говорится в Декрете Президиума ВЦИК РСФСР и СНК РСФСР о создании АТССР от 27 мая 1920 г. С. Атнагулов задает вопрос: «Куда девались башкиры

и откуда появились татары... башкиры очутились среди татар. Причины этого явления следующие: до 1917 года и первое время после революции существовал такой взгляд, что считаться башкиром более выгодно, так как возможно возвращение башкирских земель прежним хозяевам башкирам. А уже в 1920 г. и в последующих годах имя башкира было скомпromетировано валидовской авантюрой¹⁵. Изданный в 1925 г. труд С. Атнагулова, правда, не дает ответа на вопрос, почему в 1926 г. уже в составе «Большой Башкирии» численность татар вновь возросла. В 5-м томе вначале указывается, что «людские потери башкирского народа за 1917–1923 гг. дошли до 700 тыс. чел.», т.е. соответственно таблице 1 численность башкир сократилась с ~1,5 млн. до 734454 человек. Даже с учетом Гражданской войны и голода начала 1920-х гг. трудно не признать эти цифры не соответствующими реальности. Таких потерь населения в этом регионе не было. Авторы 5-го тома сами отмечают рост численности татар в регионе в 1897–1926 гг. в 2,5 раза (с. 17–18). Правда, далее они говорят о росте числа татар «за счет мишарей, тептярей, определенной части башкир, поменявшей свою национальную принадлежность из-за изменения социально-экономического и общественно-политического положения башкирского народа после Октября 1917 г. (Декрет о земле, объявление башкир «контрреволюционным народом» (с. 18). Однако в реальности советский режим в центре не только торпедировал татарский проект единой мусульманской территориальной автономии, но и передал «Малой Башкирии» практически всю Уфимскую губернию в 1922 г.

В целом в 5-м томе преобладает презумпция правильности деятельности лично А.-З. Валиди и возглавляемого им крыла автономистов (особенно на с. 82–184). Любые другие варианты рассматриваются только в отрицательном контексте. Особенно большое внимание уделяется установлению максимального барьера между башкирами и

татарами. Причем, если судить по списку периодических изданий (с. 451–452), за татарами отрицается наличие даже собственной печати. Все татароязычные издания помечены как на «языке тюрки», включая орган башкирских автономистов газету «Башкорт». Наоборот, газета «Йэш коммунист» (1920 г.) помечена как «на башкирском языке». Дело доходит до внутренних противоречий: газета «Урал» на с. 37 называется изданием «на татарском языке», а на с. 451 на языке «тюрки». Существование образования на татарском языке отрицается и на с. 319 (опять язык «тюрки») ¹⁶. Наоборот, Б.Х. Юлдашбаев утверждает, что «через Акмуллу и Уметбаева татарский литературный язык еще в конце XIX в. заменил у башкир арабизированное тюрки мусульманских писателей XIX в. ... башкирские писатели сочиняли на татарском языке» ¹⁷. С. Атнагулов указывает: «До революции было только несколько миссионерских брошюр на башкирском языке, напечатанных русским шрифтом. Учеба детей башкир велась на татарском языке. Иначе говоря, башкиры даже не имели своей азбуки» ¹⁸. При этом Р.З. Алмаев в «советской школе довоенного периода» указывает: «Заметное уменьшение численности башкир в составе населения Башкортостана в 20–30-е гг. XX в. и соответственно увеличение числа татар происходили прежде всего за счет «отатаривания» первых через обучение детей и молодежи в школах. Постепенно башкирские дети отрывались от своего родного языка, истории, культуры, обычаев» (с. 372). Положительным моментом является тот факт, что здесь (в отличие от данных раздела «Башкирский народ в 1900–1917 гг.») указывается на то, что эти люди выжили, отрицательным (для автора 5-го тома) то, что при этом они определили свою этническую идентичность как татары. Но если С. Атнагулов и Б. Юлдашбаев говорят о национальной школе и литературе мусульман Приуралья как татароязычной, то где же сохранялась идентичность башкир? В русско-башкирских

школах с русскоязычными или кириллографическими учебниками? М. Фархшатов прямо говорит, что «власти навязывали школам для башкир ассимиляторские политико-педагогические цели». Однако тут же заявляет об их положительной роли (с. 314). Следует напомнить, что термин «отатаривание» прямо взят из арсенала Н. Ильминского, стремившегося расколоть народы Волго-Уральского региона по этноплеменному признаку.

Вспоминая Н. Ильминского, трудно не вспомнить сына его ближайшего соратника — В. Ульянова-Ленина — и бывшего тбилисского семинариста И. Джугашвили-Сталина. В историографии давно ведется дискуссия об искренности политики большевиков при разработке проекта Татаро-Башкирской республики (ТБСР). Следует отметить, что в западной историографии и историографии татарской превалирует мнение, что Положение о ТБСР от 22 марта 1918 г.¹⁹ было всего лишь уловкой, направленной на недопущение создания Идель-Урал Штата. Но этому тезису не хватало источников. Однако в 2010 г. в книге «Образование чувашской автономии» приводятся воспоминания И. Макимова-Кошкинского, участника совещания о создании ТБСР, прошедшего 13–18 апреля в Москве. Он утверждает, что в присутствии М. Вахитова, М. Султан-Галиева, представителя чувашей Д. Эльменя и неназванного представителя башкир И. Сталин заявил:

«Если не хотите войти в Татаро-Башкирскую республику... то создавайте свои Автономные Советские республики...»

Д.С. Эльмень: У нас для столицы пригодного города даже нет.

Сталин: Насчет столицы не надо печалиться, создадим новый город²⁰.

Естественно, что в период Гражданской войны и последовавшего за ней голода новую столицу создать было невозможно. Однако в целом просматривается алгоритм, по которому Малой Башкирии передали Стерлитамак, а затем Уфу.

Парадоксальным является отсутствие сколь-либо детального анализа религиозного фактора. При этом Уфа является резиденцией Оренбургского духовного собрания, трансформированного в 1917 г. в Диния Назараты милли Идаре, а в 1920-е гг. — в Центральное духовное управление мусульман России. Вначале в составе правительств Башкирской автономии, а затем самостоятельно действовало Башкирское духовное управление мусульман. Кажется, авторы тома решили довести до конца размежевание татар и башкир, российской уммы, не проанализировав общие духовные структуры.

В заключение хотелось бы остановиться на научной базе исследования. Своеобразный подход проявляется в почти полном отсутствии источников на арабском шрифте. Кроме малого количества периодики это ряд статей А.-З. Валиди по частным вопросам, «Гани-бай» и труд М. Бикчентаева по мусульманской системе образования в Оренбургской губернии. Из трудов других улемов и общественных деятелей присутствует ссылка только на «Булгарские и казанские тюрки» Р. Фахретдина в современном казанском издании. В списке литературы литература на иностранных языках ограничивается 6 работами (из них 2 — А.-З. Валиди). Тот же Д. Шейфер цитируется по журнальному уфимскому изданию.

Данное исследование может быть подвергнуто более детальному анализу. Мы постарались дать ответы на вопросы, изложенные в начале рецензии. При этом мы постарались осветить данную проблематику, используя труды тех авторов, к которым комплиментарно относятся сами авторы 5-го тома «Истории башкирского народа». В целом данный труд представляет собой добротное комплексное исследование, направленное на доказательство заранее выдвинутых тезисов. Так, в заключении, во многом по аналогии с введением, М. Кульшарипов указывает: «Активное национально-государственное

строительство в крае в 20–30-х гг. (образование в 1922 г. Большой Башкирии на основе слияния Уфимской губернии с Малой Башкирией, разработка и принятие первых конституций республики) заложило прочную основу для позитивного развития национальной государственности башкир» (с. 427). Поэтому «историю любого народа в период форсированного строительства социализма нельзя показывать только в нега-

тивном плане» (с. 428). В итоге 5-й том «Истории башкирского народа» представляет этноисторию победителей. Вероятно, что он дает лучшее понимание современного состояния башкирской элиты Башкортостана (как указывают о подобных случаях Э. Смит и Э. Кедури²¹), чем о предмете исследования. Вероятно, это скорее является правилом, а не исключением на постсоветском пространстве, и не только на нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дата подписания в печать указана как 31.01.2011.

² См. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М., 2010; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. — М., 2001 (особенно глава «Ангел истории»); *Смит Э.* Национализм и модернизм. — М., 2004 (особенно анализ «Религии нации» и «Религии истории» на с. 215–216).

³ См. с. 9–10 (раздел «Историографический обзор»).

⁴ Называемый в 5-м томе Шефером.

⁵ Согласно теории М. Хроха. См. *Hroch M.* Social preconditions of national revival in Europe: A comparative analysis of the social compos of patrioyic groups among smaller European nations. — Cambridge, 1985; *The formation of national elites: Comparative studies on governments and non-dominant ethnic groups in Europe. — Vol. VI. — Dartmouth, 1992.*

⁶ *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917–1920. — Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. — P. 7.

⁷ *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917–1920.-Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. — Pp. 448–449.

⁸ *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917–1920. — Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. — Pp. 456–457.

⁹ *Шейфер Д.Э.* Местная политика и рождение Республики Башкортостан, 1919–1920 гг. // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 209–210.

¹⁰ *Schafer A.* Building nations and building states: The Tatar-Bashkir question in revolutionary Russia: 1917 – 1920. — Ph. Dis.-University of Michigan, 1995. — Pp. 456–457.

¹¹ *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). — Уфа, 1972. — С. 322.

¹² *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). — Уфа, 1972. — С. 285.

¹³ *Атнагулов С.* Башкирия. — М.;Л.: Госиздат, 1925. — С. 82.

¹⁴ *Атнагулов С.* Башкирия. — М.; Л.: Госиздат, 1925. — С. 82–83.

¹⁵ Там же. — С. 83.

¹⁶ См. подраздел «Просвещение в 1900–1917 гг.», созданный М.Н. Фархшатовым.

¹⁷ *Юлдашбаев Б.Х.* История формирования башкирской нации (дооктябрьский период). — Уфа, 1972. — С. 285.

¹⁸ *Атнагулов С.* Башкирия. — М.; Л.: Госиздат, 1925. — С. 82.

¹⁹ Статьи, с самого начала юридически ничтожное, так как Наркомат по делам национальностей РСФСР не имел права принимать законодательные акты. Наоборот, Декрет о создании Башкирской автономии от 20 марта 1919г., подписанный председателем СНК РСФСР В. Ульяновым-Лениным и и.о. председателя ВЦИК РСФСР М. Владимирским, был законным актом (см. с. 150).

²⁰ Цит. по: *Иванов В., Клементьев В.* Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. — Чебоксары. 2010. — С.40. Авторы здесь цитируют чувашезычный источник, изданный в журнале «Ялав» (1960, № 4, с. 20).

²¹ *Смит Э.* Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 212–219.

Аннотация

В данной рецензии анализируется том V «Истории башкирского народа» (1900–1940). Он представляет собой преимущественно историю создания и эволюции Башкирской автономии в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: этноистория, история национальной государственности башкир, национальная автономия.

Summary

This review deals with the analysis of the volume V of «History of the Bashkir people» (1900-1940). It is primarily the story of creation and evolution of Bashkir autonomy in the 1920-1930-ies.

Keywords: ethnohistory, the history of national statehood Bashkir national autonomy.